

КОЗЫБАЕВА М.М.,

*Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова,
Казахстан, г. Алматы/*

*Ч. Валиханов атындағы Тарых жана этнология институту
Казахстан, Алматы*

ГРИВЕННАЯ Л.А.

*Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева,
Казахстан, г. Петропавловск/*

*М. Козыбаев атындағы Түндүк Казакстан университети
Казахстан, Петропавловск*

KOZYBAYEVA M.M.,

*Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Kazakhstan, Almaty*

GRIVENNAYA L.A.

*M. Kozymbaev North Kazakhstan University,
Kazakhstan, Petropavlovsk*

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОД НАЧАЛА 1920-Х ГОДОВ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

1920-жылдардын башындагы казак талаасындагы белгисиз ачарчылык

The unknown famine began in the 1920s in the Kazakh steppe

***Аннотация.** Статья посвящена голоду 1921-1922 годов, охватившему территории Поволжья и Казахстана. В статье авторы раскрывают причины и последствия голода 1921-1922 годов в казахской степи, которая по сравнению с другими пострадавшими регионами испытала большую нагрузку в вопросе обеспечения продовольствием. Голод был усугублен разрухой и безвластием в ходе гражданской войны, которые мешали быстрому решению проблем.*

***Аннотация.** Макала Поволжье менен Казакстандын аймактарын камтыган 1921-1922-жылдардагы ачарчылыкка арналган. Макалада авторлор 1921-1922-жылдардагы ачарчылыктын себептерин жана кесепеттерин ачып беришкен, алар башка жабыр тарткан региондорго салыштырмалуу азык-түлүк менен камсыздоо жагынан чоң жүктү башынан өткөрүшкөн. Ачарчылык жарандык согуш учурундагы кыйроолор жана анархия менен күчөдү, бул көйгөйлөрдүн тез чечилишине тоскоолдук кылды.*

***Abstract.** The article is devoted to the famine of 1921-1922, which covered the territories of the Volga region and Kazakhstan. In the article, the authors reveal the causes and consequences of the famine of 1921-1922 in the Kazakh steppe, which, in comparison with other affected regions, experienced a greater burden in terms of food supply. The famine was exacerbated by the devastation and anarchy during the civil war, which prevented the rapid resolution of problems.*

***Ключевые слова:** военный коммунизм, продразверстка, голод, советская власть, большевики, комиссии помощи голодающим, благотворительные организации.*

***Урунттуу сөздөр:** согуш коммунизми, ашыкча бөлүштүрүү, ачарчылык, Совет бийлиги, большевиктер, ачарчылыктан жабыркагандарга жардам берүү боюнча комиссиялар, кайрымдуулук уюмдары.*

***Keyword:** war communism, surplus appropriation, famine, Soviet power, Bolsheviks, commissions to help the starving, charitable organizations.*

Одним из вопросов истории Советского государства XX столетия, на который длительное время сохранялось «табу», являлся вопрос о голоде 1921-1922 годов. Общеизвестно, что изучению голода начала 30-х годов XX века в Казахстане и зарубежом уделяется большое внимание зарубежных и отечественных исследователей, в то время как предшествующий голод остается несколько «в тени» и не становится объектом отдельного системного изучения.

С обретением Казахстаном независимости изменились методологические постулаты в исторической науке, казахстанская историография начала заполнять пробелы в истории Советского государства, раскрывать бесчеловечную политику тоталитаризма в отношении крестьянства. В настоящее время историческая наука Казахстана имеет определенную базу научных исследований, авторы которых изучили отдельные аспекты голода начала 1920-х годов. В научных трудах советских и казахстанских ученых, таких как Г.Ф. Дахшлейгер [1], М.К. Козыбаев [2], Т.О. Омарбеков [3], М.К. Койгельдиев [4], Ж.Б. Абылхожин [5], К.С. Алдажуманов [6], К.А. Берденова и С.И. Иманбердиева [7] поднимаются проблемы влияния тоталитарной системы на традиционную структуру общества Казахстана и социально-экономические процессы в казахской степи. Изучению демографических процессов в период голода начала 1920-х годов посвящены труды исследователей А.Н. Алексеенко [8], М.Х. Асылбекова, А.Б. Галиева [9], К.А. Саркеновой [10] и других. Процессам социокультурной модернизации в период голода начала 1920-х годов и в поздний период посвящены работы Р.Ж. Кадысовой [11], Р. Конквеста [12], М.Б. Олкот [13] и других. Важную роль в изучении этой темы сыграли архивные материалы и периодические издания, освещающие кампании по оказанию помощи голодающим. Общие тенденции отечественной историографии показывают, что причинно-следственные связи и последствия этой масштабной катастрофы до сих пор остаются малоисследованной научной проблемой.

Как известно, после прихода к власти вооруженным путем в 1917 году большевики применяли силовые и командно-административные методы управления страной, в том числе и казахским краем. На фоне вооруженного противостояния с противоборствующими силами, большевиками проводилась национализация промышленных предприятий, а также продразверстка. Эти и другие меры новой власти привели к массовому голоду в условиях засухи и неурожая, особенно среди степного населения. В 1921-1922 годах территории Поволжья и Казахстана охватил массовый голод. Вместе с пострадавшими районами КССР голод охватил всего 35 губерний. Неурожай в различных регионах Советской России вызвал еще большую нагрузку на казахскую степь в вопросе обеспечения продовольствием. Учитывая, что в Казахстане хлеба было мало, то большой упор был сделан на конфискацию скота у местного населения. Эти методы изъятия воспринимались местным населением как грабёж и вызывали рост недовольства, переходившего в вооружённые выступления. Голод был усугублен разрухой и безвластием в ходе гражданской войны, которые мешали быстрому решению проблем.

Основной причиной, усугубившей кризис аграрного сектора экономики Советского государства в начале 1920-х годов, учёные-историки сегодня называют экономически нерациональную политику «военного коммунизма», основанную на насильственном внеэкономическом принуждении. Продовольственная политика большевиков периода «военного коммунизма» встретила широкий вооруженный протест крестьянства перед нараставшим «царём Голодом» в начале 1920-х годов под лозунгами «Долой продразвёрстку!», «За Советы без коммунистов!». К числу таких выступлений принадлежат Кронштадское, Тамбовское, Западно-Сибирское, «махновское» движение на Украине, «басмачество» в Средней Азии, мятежи в Поволжье, на Урале и др. Одним из самых мощных по масштабу и количеству участников антикоммунистических вооруженных выступлений крестьянства в Советской России периода гражданской

войны стало восстание, получившее в историографии название Западно-Сибирского (иногда – Ишимско-Петропавловского, с учётом эпицентра в начальный период), которое охватило территорию Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана.

В отношении определения абсолютного числа голодавших и погибших от голода в начале 1920-х годов до сих пор вопрос остаётся открытым, так как не все случаи смерти регистрировались и учитывались, а часть документов была изъята из архивных фондов. В последних исследованиях историков по определению жертв голода называется цифра гибели казахского населения на основании сельскохозяйственной переписи 1920 и 1923 годов. Она составила 414 тысяч человек (18,5% всего казахского населения) и в отношении всего населения с 1920 по 1923 годы называется % убыли населения – 19,1%, в том числе сельского – 21,5 %.

К концу 1921 – началу 1922 годов сообщалось, что «количество голодающего населения КССР простирается до 1309 тыс. душ, что составляет 59 % общего количества голодающих губерний» [14, л. 29в]. В западноказахстанских губерниях в ноябре 1921 года число голодающих равнялось 63,4%, к апрелю 1922 года их число достигает 93% общей численности населения [15, с. 368]. Западные губернии КССР оказались в более бедственном положении ещё и по причине миграций переселенцев из центральных губерний России и Поволжья.

Первоочередной задачей КирЦИКа перед центром стало доказательство наличия голода на территории Казахстана и выяснение его масштабов с тем, чтобы центр снял продналог с голодающих районов. К ноябрю 1921 года Кирнаркомзем, Кирнаркомпрод и Кирстатсуправление установили, что «из семи губерний КССР – пять голодает. Голод охватывает Оренбургскую, Кустанайскую, Актюбинскую, Уральскую, Букеевскую губернии и некоторые волости самостоятельного Адаевского уезда с общей территориальной площадью в 1.048.100 кв. верст и населением в 2.633.300 человек... Общее число голодающих в 5-ти голодающих губерниях исчислялось в 1 508 900 человек обоёго пола... Позднее, по данным поступившим с мест, количество голодающих равнялось 1 558 927 человек» [16, л. 9].

В северо-восточных регионах Казахстана голод обострился в результате вывоза излишков сельхозпродукции продовольственными отрядами [17, с. 162]. Как писала кустанайская газета «Красная степь», в письме ЦК РКП (б), адресованном в 1920 году всем губернским комитетам партии, разъяснялось: «Разверстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков» и указывала на количество продукции, которую следовало изъять у крестьянина [18, с. 3]. Поскольку Акмолинская и Семипалатинская губернии считались относительно благополучными, здесь продотрядами были изъяты до 80 % всех излишков, было собрано по продналогу более 4 млн. пудов хлеба и 24,5 тыс. пудов масла. Изъятые продукты (зерно, масло, мясо) отправлялись в центр страны: Москву, Петроград, Самару, Казань, Саратов и др. В частности, Павлодар в 1921-1922 гг. служил основной перевалочной базой для бесперебойной отправки хлеба по железной дороге в Москву и Петроград по личному указанию вождя В.И. Ленина: только в Москву отправлялось хлеба ежедневно от 60 до 100 вагонов, в то время как раздача хлеба местному голодающему населению строго запрещалась [19, с. 11].

Вследствие такой политики Акмолинская губерния ещё в конце марта 1921 года насчитывала 472 000 голодающих, что составляло около 50 % населения губернии [16, л.13об]. Ухудшение продовольственного положения в Акмолинской губернии объяснялось обнищанием населения в результате гражданской войны, непосильной продовольственной политики со стороны государства, засухой, а также наплывом беженцев из Поволжья и соседних губерний. Особенно пострадали от голода Петропавловский, Кокчетавский и Атбасарский уезды Акмолинской губернии.

По сведениям Кирнаркомздрава, «смертных случаев на почве голода в лечебных заведениях за время с 1 ноября 1921 года по 1июля 1922 года по губерниям:

Оренбургской, Уральской, Актюбинской зарегистрировано 37.657 человек... Смертность в начале 1922 года достигла огромных размеров; в одном только городе Орске из 16.000 человек за 4 месяца погибло 11.000 голодающих. В Токанской волости Можаровского района Актюбинской губернии из 1 500 человек погибло 600 человек, но были и такие не единичные случаи, что целые посёлки и аулы вымирали полностью» [20, л. 70].

Голод принимал катастрофические размеры вследствие усиливающегося потока беженцев, даже вопреки запрету со стороны органов советской власти, в северную, западную и восточную часть КССР из Центральных районов России, Поволжья, Украины. В одной из заметок кустанайской газеты «Степь» говорилось: «Теперьшнее голодное переселение из поволжских губерний – это, по общему мнению, безумие... Возможно, что сотни, а может быть, и тысячи из менее потерявших голову и просившихся куда попало спасутся, но большая часть из них, несомненно, погибнет к тому времени, когда на место их вывоза уже придёт необходимая помощь» [21, с. 2].

В свою очередь, массовые миграции населения явились следствием голода. Люди мигрировали не только на территорию Кирреспублики, но и за её пределы – в Сибирь, Туркестанскую республику, Монголию, Китай. В целях физического выживания кочевое население, как и оседлое, снималось с обжитых мест и «растекалось» в разные стороны в поисках лучшей жизни. Так, в докладе члена губсовнархоза Казбекова Акмолинскому губревкому 22 июля 1921 года сообщалось об откочёвке 6 000 киргизских семей 10 Богоналинских волостей Атбасарского уезда в Туркестан [22, л. 29].

Борьба со стихийными миграциями успеха не имела, так «как волна за волной, беспрестанно двигались обозы и люди, группируясь на время в значительном количестве в городах и на станциях железных дорог. Подобного рода сумятица и скопление наблюдалось, например, в Оренбурге, достигшая до 12 000 и выше, в Актюбинске до 15 000, на маленькой станции Ак-Булак до 5 000 человек; такие же картины скопления наблюдались и в других губерниях. Жуткие и мрачные картины приходилось наблюдать летом, когда наряду с конными запряжками, нагруженными скарбом и каким-нибудь продовольствием, были и двуколки, запряженные людьми, везшими свою рухлядь в сопровождении членов семьи» [16, л.7].

Среди переселенцев – беженцев, питавшихся чем придётся, лишённых необходимых удобств, помещения хотя бы для ночлега, стали развиваться всевозможные заболевания, принимающие эпидемический характер. Появились обычные спутники голода – тиф брюшной, сыпной, неопределённый, возвратный, холера, цинга и дизентерия. Эпидемии разрастались по мере усиления голода. Линии железных дорог стали царством сыпного тифа. Лечебные учреждения не в силах были оказать всем заболевшим посильную помощь из-за нехватки медперсонала, помещений для госпитализации больных, медикаментов, белья, продуктов питания.

Распространение болезней увеличивалось по мере скопления голодающих в городах и на станциях железных дорог. Беженцы, заболевая в пути, умирали и оставляли на произвол судьбы своих детей. «По официальным данным установлено, что в городах Кирреспублики... в этот период подбирались ежедневно до 50 детей. Про(из)ведёнными в разное время обследованиями устанавливалось присутствие ...большого скопления беспризорных детей: в Кустанае – 890 человек, в Полтарацке – 300 человек, в Казалинске – 160 человек, в Туркестане – 180 человек, в Перовске – 100 человек, в Арыси – 200 человек, скопившихся по вышеуказанным причинам» [16, л.8об.]. Толпы подростков бродили по улицам городов в поисках пищи, способствуя росту нищеты, попрошайничества и общей криминогенной обстановки. В числе правонарушений такие как курение, ругань, игра в карты, драки, убийства. 90% всех преступлений совершалось этими детьми на почве голода. На 1 декабря 1921 года по КССР насчитывалось около 128 000 беспризорных, на 31 декабря – 158.00, а в январе количество беспризорных достигло 333 043 человек [16, л.9].

В докладе о состоянии Орского района наиболее голодающей Оренбургской губернии в зиму 1921–1922 года были представлены ужасающие картины голода: «Они (голодающие) гибнут и, околачивая пороги учреждений, не находят себе нигде помощи. Их трупы ежедневно подбирает коммунальный отдел рабочих кварталов города десятками, а трупы детей, ими брошенных... тот же коммунальный отдел пожарным обозом ежедневно вывозит сотнями на кладбище. Эти трупы сваливаются в кучу, в какой-то насчитываются тысячи... Под открытым небом эти трупы обглаживаются собаками и растаскиваются их живыми товарищами...» [16, л.11].

Тяжелое положение наблюдалось в городах и посёлках: «Голодные, не получая продовольствия по несколько дней, поедали кошек, собак, всякую падаль, кожу, кости-словом, всё, что попадало, и в лучшем случае пекли хлеб из листьев моха и всяких трав, не питательных, а зачастую абсолютно вредных для здоровья...» [16, л.14-14 об.].

Неизменными спутниками голода были обнищание населения и рост преступности: грабежи, самосуды, воровство, убийства. «За полпуда высевок или незначительное количество кизяка /топливо/ зверски перерез(ыв)ают горло... В деревнях население, имеющее скот, из боязни (по)кражи, предпочитало на ночь вводить скотину к себе в жилое помещение. Нередки были случаи создания дружин самообороны... Если 80% населения абсолютно голодало даже при поддержке со стороны государства, то малейший перебой в снабжении быстро отзывался на всех. Кража собак и кошек для употребления в пищу одновременно носили поистине эпидемический характер. Нередко можно было наблюдать публичные ссоры на улицах претендентов на этот «лакомый» кусок» [16, л.15-15об.].

Поражают воображение конкретные факты из действительной жизни. В голодающих губерниях КССР широкое распространение получил каннибализм [16, лл. 18-20 об.] и трупоедство [16, лл. 20-21]. Голод стал тотальным, охватившим все слои населения КССР.

Продовольственная политика Советской власти и разрастающийся голод толкали крестьян на противодействие вывозу хлеба и вступление в антибольшевистские повстанческие отряды. Так в июне 1921 года в телеграмме Оренбургскому Кирпартбюро из Актюбинска в оперсводке говорилось, что в Можаровском районе «20 тысяч истерзанных голодных киргиз стихийно шли в банды Охранюка во время его приближения» [20, л.34об.].

Для борьбы с голодом создавались комиссии помощи голодающим, которые строили свою деятельность на основании специальных инструкций. Они разрабатывали планы борьбы, изыскивали средства на местах, создавали учреждения по оказанию помощи голодающим и др. К числу источников средств на местах относились добровольные пожертвования, разнообразные виды налогов, которые были направлены на привлечение широких масс населения к решению этой жизненно важной проблемы.

В августе 1921 г. в городе Петропавловске была создана Акмолинская губернская чрезвычайная комиссия помощи голодающим (Губчекапомгол). Комиссия сначала собирала добровольные пожертвования, но потом, когда число голодающих только по Петропавловскому уезду достигло 150 тысяч человек, были установлены налоги в пользу голодающих с различных торгово-промышленных предприятий и зрелищ; собирались отчисления рабочих и служащих со своего заработка, а также при товарообменных операциях, мучной сбор при размоле зерна; проводились специальные «Недели сбора продовольствия». В работу губчекапомгола включились отделы губисполкома: отдел здравоохранения наблюдал за санитарными условиями питательных пунктов, а продком вел доставку и распределение продуктов, отдел соцобеспечения ведал хозяйственной частью помощи.

В Северо-Казахстанском государственном архиве хранятся документы, свидетельствующие о деятельности известного казахского поэта Магжана Жумабаева в комиссии по ликвидации последствий голода. Летом 1922 года он занимал должность

заместителя председателя Акмолинской губернской чрезвычайной комиссии помощи голодающим [23, л. 23]. Архивные материалы свидетельствуют о катастрофическом положении населения Акмолинской губернии и колоссальной работе комиссии помощи голодающим в решении первостепенной задачи – ликвидации голода и его последствий. В частности, сохранилась переписка М. Жумабаева с Оренбургом, где он призывал центральную власть признать эти районы голодающими: «По поступающим сведениям голод [в] Петропавловском, Кокчетавском, Боганалимском, Оргинском районах Атбасарского уезда приобретает ужаснейшие размеры, имеются случаи трупоедства. Тому подтверждение [сведения] предыдущих телеграмм Губпомгола, просим [о] незамедлительном возбуждении ходатайства перед ВЦКПГ [об] окончательном признании указанных районов голодающими [11, л. 195]. Также имеются сведения о записке М. Жумабаева в коммунальный отдел о организации столовой для голодающих казахов в июне 1922 года: «Акмолинская губернская чрезвычайная Комиссия Помгол предлагает срочно отвести подходящее помещение в районе менового двора под столовую, организуемую Губкомпомголом для голодающих киргиз» [24, л.191]. Таким образом, совместными усилиями в г. Петропавловске было организовано 5 столовых, которые за 10 месяцев (по 1 июля 1922 г.) отпустили 590 тыс. бесплатных обедов, из них 309 тыс. – для детей. Всего Губчекапомгол за 10 месяцев своей работы (с 23 августа 1921 г. по 1 июля 1922 г.) собрал для голодающих 42 664 пуда хлеба, 10 872 пуда мяса и рыбы, 166 пудов масла, 3 529 пудов овощей и другие продукты, 1240 голов скота. Дополнительные средства принесло изъятие церковных ценностей в 1922 г., проведенное для помощи голодающим Акмолинской губернии.

Со стороны иностранных держав, не признавших Советскую Россию в тот период, рассчитывать можно было только на помощь со стороны рабочего класса и благотворительных общественных организаций, которая с учетом их возможностей и потребностей Советского государства была недостаточной. Во главе международного комитета рабочей помощи по сбору средств рабочими разных стран стояла немецкая коммунистка Клара Цеткин. Посильную помощь Советскому государству, в том числе и голодающему населению КССР, оказала благотворительная организация США – Американская администрация помощи (АРА), занимавшаяся доставкой продуктов в голодные районы губернии вплоть до 1923 г. Однако все меры Советского государства и зарубежная помощь по спасению голодающих от смерти были малоэффективны, так как сельское хозяйство, основной источник существования людей, оказалось разорённым.

В целом, разрушительное воздействие на аграрный сектор экономики оказали многие факторы: первая мировая война, репрессии царизма по отношению к казахскому населению после подавления восстания 1916 года, тяжелые последствия революционных потрясений 1917 года в России, гражданская война, экономически нерациональная политика большевиков 1918-1921 годов, репрессии крестьянства после антибольшевистских волнений начала 1920-х годов, природно-климатические факторы – засуха лета 1920 года и др. Из перечисленных причин кризиса сельского хозяйства продовольственная политика большевиков после их прихода к власти оказалась самой разорительной для крестьянства, обострившей и без того тяжёлое положение тружеников села. Об этом свидетельствуют не только абсолютные цифры сокращения посевных площадей и поголовья скота в период «военного коммунизма», но и массовые крестьянские выступления начала 1920-х годов, получивших название в современной исторической науке «малой» гражданской войны.

Таким образом, голод 1921-1922 годов явился следствием борьбы большевиков за власть и закрепления этой власти. Цена этой борьбы оказалась слишком велика. Миллионы человек так и не смогли пережить эту лихую годину. Голод свидетельствовал о начале строительства нового типа государства, при котором достижение высоких целей и идеалов должно было осуществляться любой ценой, в том числе ценой человеческих жизней. Об этом свидетельствует вся последующая история Советского

государства. Одним из экспериментов, поставивших казахский народ на грань исчезновения, стала насильственная коллективизация и перевод к оседлости кочевого населения в начале 1930-х годов, что привело к голоду еще больших размеров: жертвы голода 1932–1933 годов в Казахстане составили 1 750 000 человек (42% всей численности казахского населения) [6, с. 28].

Сегодня, стремясь к достижению новых рубежей, мы должны извлекать уроки из исторического прошлого, руководствоваться пониманием того, что высшей ценностью для государства должен быть сам человек, его жизнь, а не цель, пусть даже самая высокая.

Список цитируемых источников:

1. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). – Алма-Ата, 1978. – 345 с.
2. Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. – Алма-Ата, 2006. – 272 с.
3. Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – Алматы: Санат, 1997. – 320 б.
4. Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940 гг. – Алматы: Искандер, 2009. – 448 с.
5. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана XX век. – Алматы, 1997. – 360 с.
6. Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. – Алма-Ата, 1992. – 35 с.
7. Берденова К.А., Иманбердиева С.И. Аграрная политика тоталитарного государства как фактор кризисного состояния сельского хозяйства Казахстана. – Алматы, Ғылым, 1994. – 144 с.
8. Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. – Алматы: Ғылым, 1993. – 126 с.
9. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.) – Алматы, 1991. – 288 с.
10. Саркенова К.А. 1920-1930 жылдардағы Қазақстан халқы. – Алматы: Қазақ университеті, 2011 – 220 б.
11. Кадысова Р.Ж. Историография социокультурной модернизации. – Павлодар: НПФ «Эко», 2006
12. Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine. – Edmonton: The University of Alberta Press in Association with the Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1986.
13. Марта Олгут. Процесс коллективизации в Казахстане. // «Русское ревю», 40, апрель 1981 г.
14. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 5. Оп. 2. Д. 68.
15. Масанов Н.Э. и др. История Казахстана: народы и культуры. Учеб. пособие / Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 608 с.
16. ЦГА РК. Ф.320. Оп.1. Д. 25.
17. Козыбаева М.М. Влияние голода 1921-1922 годов на повседневную жизнь городского населения Северного Казахстана. // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. – Караганды, 2014 – № 3(75) – С. 162-167.
18. Красная степь – Кустанай, 1920, № 4

19. Нурбаев К.Ж. История города Павлодара (1917–1940 гг.): автореф. дис.... канд. истор. наук – Алматы, 1998. –26 с.
20. ЦГА РК. Ф. 5. Оп.2. Д. 42.
21. Степь – Кустанай, 1921, № 5
22. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 930. Оп.1. Д. 6.
23. СКГА. Ф. 41. Оп.1. Д. 10.
24. СКГА. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 3.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР09259227 «Голод в Казахстане в 1921–1922 годах и его последствия (на основе новых архивных и письменных источников)» при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Рецензент: Малабаев С.К. – кандидат исторических наук, преподаватель БГУ им. К. Карасаева